

ГОРЬКОЕ РАССТАВАНИЕ С МАРКСИЗМОМ (к 130-летию Георгия Петровича Федотова)¹

Данное введение характеризует условия возникновения и значение двух публикуемых эссе Г.П. Федотова. Первое из них запечатлело его эмоциональное отношение к революционной борьбе, которая имела разрушительный, а не созидательный характер. Оно выражало психологические мотивы отказа Федотова от участия в подпольной деятельности российских социал-демократов. Второе эссе представляло попытку реализации марксистских принципов анализа прошлого. Ее последовательное осуществление привело Г.П. Федотова к осознанию ограниченности возможностей интерпретации культурных процессов с позиций исторического материализма.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, русская революция 1905 г., марксизм

Этой осенью исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося историка, религиозного мыслителя и публициста Георгия Петровича Федотова (1886–1951). Известность пришла к нему, когда он покинул родину и оказался в Париже, откуда в начале Второй мировой войны вынужден был перебраться в Нью-Йорк. Именно в эмиграции вышли его наиболее значимые исследования русской религиозной духовности и многочисленные публицистические статьи, которые за последние годы стали достоянием отечественного читателя, благодаря публикации как тематических сборников, так и собрания его сочинений.

Вместе с возвращением творческого наследия мыслителя началось изучение его биографии, которое еще далеко от завершения. Недостатки в воссоздании жизненного пути и, главное, формирования и изменения мировоззрения Г.П. Федотова во многом определяются обращением в этих целях прежде всего к опубликованным воспоминаниям его вдовы, тогда как архивные документы личного происхождения остаются вне поля зрения исследователей. Мне уже приходилось сетовать на неточности биографии Георгия Петровича в изложении Е.Н. Федотовой. Причиной тому являются не только неизбежные для мемуаров ошибки памяти, но и общий мотив их написания – раскаяние в том, что она оказалась вдали от мужа в последние годы его жизни, осложненные тяжелой болезнью. Не сумев оказать ему должной помощи и поддержки, что стало следствием определенного непонимания и бесчувствия к его тревогам и заботам последних лет, она попыталась компенсировать это упущение посмертной данью памяти, представив свой портрет ушедшего, выражающий ее видение. Несомненно, в своих основных чертах ее воспроизведение тех эпизодов биографии Федотова, которые предшествовали их знакомству, состоявшемуся в 1912 г., задавалось воспоми-

¹ Работа выполнена по ПСР ПетрГУ в рамках мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

нениями самого Георгия Петровича. В них его отношению к марксизму практически не нашлось места, так что Елене Николаевне пришлось осветить лишь последнюю фазу его возвращения от «марксизма к православия»². Однако представляется, что более адекватную картину дают аутентичные источники личного происхождения. В данном случае публикуются две работы Г.П. Федотова студенческой поры, написанные им уже после возвращения в 1908 г. из Германии, куда он был выслан в 1906 г. за активную антиправительственную пропаганду в годы первой русской революции. Они зафиксировали начальную стадию отказа их автора от марксизма, который явно выразился лишь в годы пореволюционной эмиграции, когда Федотов неоднократно резко критиковал марксистские догмы, оставаясь при этом социалистом.

Для понимания значения публикуемых работ в эволюции мировосприятия Г.П. Федотова важно учитывать принципы рассмотрения человеческой деятельности, сформулированные им самим. В деяниях человека он различал духовное, душевное и волевое начала. Духовная сторона человеческих дел выражала их рациональные основания, тогда как душевное было проявлением чувственного (психического) в природе человека. В волевом усилии они сливались воедино, проявляясь в человеческих действиях. При таком подходе можно увидеть в формировании революционного отвержения окружающего мира, которое завершилось с переходом Жоржа Федотова от радикально демократических взглядов к марксизму еще в гимназические годы, как рациональные, так и эмоциональные аспекты. В годы первой русской революции его рациональная критика, основанная на знакомстве с «Манифестом коммунистической партии» и «Капиталом» К. Маркса, а также с пропагандистской социал-демократической литературой, сочеталась с экстатическим отношением к революционной борьбе, которая должна была привести к уничтожению несправедливого общественного устройства. Экстатичность в сочетании с идущим от русских радикальных демократов эстетическим нигилизмом определяли эмоциональный настрой, который выражался не только в пропагандистской работе, но и в литературной форме. В письмах-исповеди своей первой любви – Т.Ю. Дмитриевой – он упоминал о написанном им вскоре после начала революции 1905 г. произведении, уместившемся на страницах его тетради: «В этой тетрадке он набросал свои злые, сумасшедшие фантазии, в которых отражалась одна кровь, – кровь, что забрызгала его душу <...>. Там были восставшие анабаптисты, мюнстерские пророки, которые кровью создавали царство Божие на земле. И весь чудовищный фанатизм их, вместе с железной верой в победу вылились в этой последней угрозе: “Завтра тела их устелют землю и будут добычею псов!”»³.

² Федотова 1988. С. XVI–XVIII.

³ Письма-исповедь. С. 398.

Однако, экстаичность вместе с фанатизмом и озлобленностью не могли стать тем психологическим настроем, который обеспечил бы устойчивое развитие личности Георгия Федотова. Не удивительно поэтому, что его разочарование в революционной борьбе в качестве исходного импульса также имело эмоциональный настрой. «Энтузиазмом можно жить, – констатировал он в письме тому же адресату от 28/15 октября 1906 г., – когда кругом растет волна, когда все заражают друг друга общим настроением. Реакция, отсутствие массового движения привели меня к тому, что я почувствовал у себя отсутствие капиталов. Это неоспоримо так»⁴. Своеобразным маркером эмоциональной опустошенности Г. П. Федотова, которая стала причиной его психического состояния, названного им самим «атония», стало небольшое по объему, но яркое по форме произведение без названия, которое в чем-то перекликалось с тем, что было написано в начале революционного пути. Присланное Татьяне Дмитриевой, оно знаменовало начало понимания бесперспективности движения по нему без четких ориентиров и цели, что являлось первым шагом в отходе начинающего историка от марксизма, догматы которого пока еще не подвергались критике.

Но, отказываясь от участия в революционной борьбе, Г. П. Федотов не отвергал ее идеалов. Так, вслед за выражением эмоционального отношения к свершившемуся наступало время размышления и осмысления произошедшего в душе, его духовное освоение. «Нужно взглянуть на мир с новой точки зрения, расширить его, – утверждал он в письме Т. Ю. Дмитриевой от 26/13 ноября 1907 г. – Тогда прежняя гибель покажется одной из случайностей истории, которая не может поколебать ни прежней веры, но, главное, мирозерцания. Я, впрочем, могу себе представить людей – они должны быть чересчур сильны или впечатлительны, которые вообще не нуждаются в перевоспитании»⁵. Собственное «перевоспитание» он начал с изучения истории. Именно применительно к познанию прошлого Г. П. Федотов попытался применить марксистские принципы анализа, как свидетельствует его небольшое эссе под названием «Аналогия». Оно было написано после возвращения в Россию в 1908 г. и восстановления на историко-филологическом факультете Петербургского университета, прошение о переводе в который из Технологического института он подал еще до высылки в Германию в 1906 г. Однако попытка с позиций исторического материализма объяснить явления культурной жизни оказалась неудачной, что приводило Федотова к пониманию узости объяснения прошлого, исходя из основополагающей роли экономических отношений. Это позволяет опреде-

⁴ Федотов Г. П. С. 53.

⁵ Там же. С. 89. В цитируемом письме уже содержались первые намеки на ограниченность понимания социального развития, исходя лишь из представлений о его обусловленности экономическим базисом.

лить публикуемое ниже эссе «Аналогия» как второй шаг отступления от марксизма.

Оригиналы обеих работ хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в коллекции Дмитриевых (Ф. 475). Их текст приведен в соответствие с правилами современной орфографии при сохранении авторской пунктуации.

Г.П. Федотов

[1908]

С рассветом он оседлал коня и, призвав сладостное имя, пустился в путь. Он не оглядывался назад, и меч его был послушен священному возмездию. Пламя костров освещало его следы – он их не видел; люди-звери хрипели под копытами черного всадника – он их не слышал. Он нес войну разбойничьим замкам, где свило себе гнездо насилие. Он разрушал храмы, потому что в них царствовали идолы. Похотливых и низких тварей касался он тенью своего меча, чтобы они не оскверняли землю, уготованную для великих и чистых. Он был как очистительное пламя.

В вечернем тумане он стоял на берегу моря, которое преграждало его путь. Он затрубил в белый рог, но эхо не ответило ему. Он напряг свою грудь и воскликнул невидимому: «Где ты, истинный? Для тебя ниспроверг я богов лжи. Слышишь ли меня, справедливый? Зла нет, и я убил его». Но было безмолвно море, и волны плескались на берег беззвучно, как мертвые. В первый раз оглянулся всадник, обратив коня своего. Докуда мог видеть глаз, лежала выжженная пустыня. Кучи обломков еще курились в сумерках. Ну же, мой конь! Разве ты забыл дорогу? Бедняга! Этот путь оказался вечностью. Шагом, мой конь! Нам спешить некуда.

Боже, как горек возвратный путь по кладбищу сожженных идолов для одинокого всадника с опущенным забралом.

НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 31. Л. 36–38.

Аналогия

Для работы машины обыкновенно безразличен род ее двигателя. Каменный уголь, нефть, электрическая энергия могут отличаться по своей стоимости, но не по качеству и направлению рожденных ими движений. Эти движения обусловлены исключительно внутренней структурой механизма. Так называемые движущие силы определяют только движение *simpliciter*⁶. Вот почему ими можно пренебречь при учете механического действия. Их значение выходит из границ механики, оставаясь чисто физическим. Здесь *causae formales*⁷ для научного понимания вытесняют *causae efficientes*⁸. *Causae formales* экономического развития даны в экономической же структуре, т.е. в обществен-

⁶ Просто (лат.).

⁷ Формальные причины (лат.).

⁸ Действующие причины (лат.).

ных отношениях. *Causae formales* – в развитии техники. Направление развития заключено в статических условиях. Факт развития – функция многих переменных, которые для социальной теории общества кажутся случайными. Эта случайность отчасти устраняется лишь тем взглядом, по которому напряжение творческой энергии (т.е. состояние духовной культуры) и ее основное тяготение к индустриальной изобретательности объясняются условиями жизни и интересами общественных классов. Машина, изобретенная в средние века, осталась бы прибором научного любопытства (Роджер Бэкон⁹). Машина в I–II веках империи могла бы взорвать ойкос¹⁰ и воплотить промышленный капитализм семнадцатью веками ранее. Почему она не явилась? Или потому, что общий склад науки был так чужд экономической жизни? Что наука была аристократична, а аристократия неиндустриальна? Т.е. выработанный тип духовной культуры лишил питания его экономический двигатель.

Но, ведь, машина все-таки была изобретена (Светоний¹¹, химия). Она служила роскоши, а не производству. Значит ли это, что причину падения Империи¹² нужно искать в неиндустриальности аристократии? И еще раз подтверждается, что социологии нет и не будет, пока не будет ответа на вопрос о *Grandeur et decadence de l'Empire*¹³.

Нельзя ли сказать так: двигатель для *pante*¹⁴ общества, тем более ранее экономических отношений. Быть может, его энергия никогда не колеблется (хотя это и малоубедительно, но допустим ради простоты). Ничто не мешает признать его чисто-обусловленным: активной реакцией человека на природу, создающей отвлеченную науку и практическое искусство. История математики и естествознания могли бы изучаться вне всякой связи с историей социальной, как автобиография человеческого духа. Но социальная действительность их, другими словами «экономичность» духовной культуры, есть явление производное от экономических отношений. Если это так, то экономическое развитие приобретает самостоятельность и замкнутость.

НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 32–33 об.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Письма-исповедь Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой (1906–1907) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. С. 397–454.
 Федотов Г.П. Собрание сочинений. М.: Изд-во «Тетис паблишинг», 2008. Т. 12. 504 с.
 Федотова Е.Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris: YMCA-Press, 1988. С. I–XXXIV.

⁹ Бэкон (Bacon) Роджер (ок. 1214–1294) – английский философ и естествоиспытатель. В литературе XIX в. он трактовался как несвоевременный предвестник экспериментального метода научного познания, который предвосхитил идеи создания автомобиля, подводной лодки и даже самолета.

¹⁰ Греч. *oikos* – местопребывание.

¹¹ Светоний (Suetonius) Гай Транквилл (ок. 70 – ок. 140) – римский историк.

¹² Имелась в виду Римская империя.

¹³ Величие и упадок империи (фр.).

¹⁴ Пыхтение (лат.).

REFERENCES

- Pis'ma-ispoved' G. P. Fedotova k T. IU. Dmitrievoi (1906 – 1907) // *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik*. Vyp. 10. Omsk: Izd-vo OmGU, 2015. S. 397–454.
- Fedotov G. P. *Sobranie sochinenii*. M.: Vpl-vo «Tetis Publishion», 2008. T. 12. 504 s.
- Fedotova E. N. *Georgii Petrovich Fedotov (1886–1951)* // Fedotov G. P. *Litso Rossii. Stat'i 1918–1930*. 2-e izd-e. Paris: YMCA-Press, 1988. S. I–XXXIV.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Петрозаводского государственного университета; ant@psu.karelia.ru

The bitter parting with Marxism

This introduction characterizes the conditions for appearance and the value of two published essays written by prominent historian George Fedotov. The first of them expresses his emotional attitude to the revolutionary struggle, which was a destructive rather than constructive in nature. It is an expression of psychological motives of Fedotov's refusal to participate in the illegal activities of the Russian Social-Democrats. The second essay is an attempt to implementing the principles of the Marxist analysis of the past. Its consistent implementation resulted in Fedotov's recognition of limited capacity to interpret cultural process from the standpoint of historical materialism.

Keywords: George Fedotov, Russian revolution in 1905, Marxism

Aleksandr Antoshchenko, PhD, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History in Petrozavodsk State University, ant@psu.karelia.ru